

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Пролог	7
Глава 0. СВЕРХИДЕЯ МАРКСИЗМА	25

Часть 1

НАУЧНЫЙ КОММУНИЗМ: ЗАГАДОЧНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ МАРКСИЗМА И ИХ НАУЧНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Глава 1. Красный хамелеон	35
Глава 2. В ожидании Годо	71
Глава 3. О формуле марксизма	94
Глава 4. На вершине карьеры	110
Глава 5. Ликвидация Интернационала	118
Глава 6. Превращения не кончились	123
Глава 7. Семь законов марксизма	126

Часть 2

ТВОРЕНИЕ ПРОМЕТЕЯ: КАК СОЗДАВАЛСЯ «КАПИТАЛ»

Предисловие автора, написанное для настоящей публикации	136
Глава 8. Краткая биография	137
Глава 9. Знаменательный прецедент	149
Глава 10. Начало бурных событий	178
Глава 11. Неотложные партийные дела, или Склока трех Карлов	188
Глава 12. Философия подлости	220
Глава 13. Диалектика правды и лжи (к проблеме исчисления марксистских высказываний)	247
Глава 14. На войне как на войне	279
Глава 15. По страницам анонимок Энгельса на Маркса	300

Глава 16. Казус Лассалья, или Марксов треугольник.	307
Глава 17. Вокруг Лассалева наследства, или Заговор трех Карлов	327
Глава 18. Решение Марксова треугольника.	343
Глава 19. Первые радости	353
Глава 20. Последующие тома. Что мешало завершить «Капитал»?	372
Глава 21. Прикованный Прометей: история болезни Карла Маркса	393
Глава 22. Почему «Капитал» остался незавершенным? Загадка жизни Карла Маркса	425
Эпилог.	441
Приложение 1. «Повивальная бабка истории». Первоначальное накопление по Марксу	470
Приложение 2. Фиктивный «Капитал». Главная книга Карла Маркса: о чем она и зачем	485
Указатель имен.	506

Моей жене Лене, с любовью.

ОТ АВТОРА

Публикуемую в настоящей книге рукопись я начал писать в середине 70-х годов и прервал работу в середине 80-х. Называлась она «Обмануть Природу: тайна стоимости Карла Маркса» и должна была состоять из трех книг: «Великий революционер», «Великий ученый» и «Великий человек» — согласно трем ипостасям, в которых мой герой существовал (существует?) в общественном сознании.

Ради конспирации и мистификации текст писался как бы рукой ученого-историка, педантичного, словоохотливого, чуть-чуть старомодного (но все же нашего современника), по имени *Авель Смит*. (Боюсь, этот слог, пародирующий ученый стиль, иногда не удавалось выдержать.)

Две первые книги были закончены, и я передал рукопись для публикации за рубеж, где она благополучно затерялась. Мой друг Игорь Бирман, который пытался ее издать в Америке (в эмигрантских издательствах бывших диссидентов), рассказывал потом, что везде наткнулся на один и тот же довод: что это еще за Майбурд такой, чтобы критиковать самого Маркса!

Короткая третья часть оставалась в черновом варианте. А скоро пришла перестройка. Атаковать марксизм стало позволительно любому, но публиковаться мог не всякий. Тут главное было — кто первым скажет «Э!». Первыми, как всегда, были люди со связями. Я к таковым не принадлежал. Две главы из книги 1 все же были опубликованы в популярном тогда журнале «Даугава» (Рига), а впоследствии кто-то вывесил эту публикацию в интернете (в сокращенном и отредактированном журнальном варианте). Но в целом я «не успел и опоздал». Конечно, расстроился, но мой друг, философ Юра Сенокосов, объяснил мне, что Маркс слишком большая фигура и потому разговор о нем не прекратится от того, что несколько шустрых людей поспешили опубликовать свои поверхностные нападки.

Так и оказалось. Сегодня опять многие обращаются к Марксу за ответами на вопросы дня или, едва ли чаще, за подтверж-

дением своих политических склонностей и пристрастий. Больше того, можно сказать, что многое в современном левом движении («либералы», «прогрессивные») трудно понять адекватно без уяснения сути марксизма. Не той «сути», которой нас пичкали на занятиях в школах и вузах, а той скрытой сути, которую я пытаюсь выявить в настоящей работе.

В конце концов, имеются установленные исторические факты. Одним из идейных отцов современных левых был Антонио Грамши, идеолог и сооснователь (с Пальмиро Тольятти) компартии Италии. Вдохновители и идеологи «новых левых» 60-х годов — Г. Маркузе, Т. Адорно, Э. Фромм и другие члены Франкфуртской школы — все были «неомарксистами». Их коллега во Франции, Жэ Пэ Сартр, даже вступил в компартию. Они отказались от Марксовых теорий прибавочной стоимости, базиса и надстройки и пр. Но что-то все же роднило их с Марксом, они ощущали это, не стыдились этого и козыряли этим. Сол Алинский, в своих «Правилах для радикалов», прямо использовал идеи и фразеологию из «Манифеста Коммунистической партии», «Немецкой идеологии» и, возможно, других работ Маркса — Энгельса.

Так что моя работа, отчасти утратившая, возможно, былую сенсационность, все же остается актуальной, и я предлагаю вниманию читателей все, что осталось от трилогии. Наиболее важные моменты второй части были опубликованы как глава 20 моей киги «От пророков до профессоров: погружение в мир экономических идей». Существенные выжимки из этой главы можно найти в настоящей книге (Приложение 1). Третья часть написана не была, а теперь и не нужна, так как в настоящей книге все сказано.

К сожалению (или к счастью?), совсем избавиться от вступительного материала никак нельзя, и терпеливому читателю придется так или иначе продраться через, так сказать, дебри теоретизирования — возможно, местами наивного, — чтобы потом понять, что как раз здесь имеет место завязка того детектива, который вслед за тем явится на этих страницах.

ПРОЛОГ

Сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателю.

Гоголь. Мертвые души

«Известно, что Маркс и Энгельс были против террора», — мимоходом замечает Роберт Конквест¹.

Откуда это известно? Оказывается, из одного письма Энгельса к Марксу, где первый высмеивает якобинский террор девяносто третьего года. Энгельс пишет, что террор был на руку «мелким мещанам, напускавшим в штаны от страха» и «шайке прохвостов, обделывающих свои делишки при терроре» (33/45)².

Неплохо сказано, однако! Те же слова поставил С. П. Мельгунов эпиграфом для одной из глав своей книги, написанной в 1925 г.³

Между тем у основоположников *научного коммунизма* можно найти высказывания, более подходящие для эпиграфов на такую тему. Например, однажды Маркс написал такое:

Мы беспощадны и не просим пощады у вас. Когда придет наш черед, мы не будем прикрывать терроризм лицемерными фразами (6/548).

¹ Конквест Р. Большой террор. 1968. С. 73.

² Все ссылки на тексты Маркса — Энгельса даются по: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений и писем*. 2-е изд. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В скобках указывается: номер тома / номер страницы. Цитаты из Маркса и Энгельса выделены бессерифным шрифтом. Ссылки на книгу Франца Меринга «Карл Маркс. История его жизни» обозначаются как «ФМ», с указанием номера страницы. Шифр «ЧС» в некоторых ссылках означает издание: Переписка членов семьи Маркса с русскими политическими деятелями. М. : Политиздат, 1974. Число после запятой — номер страницы. Все выделения в цитатах сделаны их авторами, кроме оговоренных случаев.

³ Мельгунов С. П. Красный террор в России. Нью-Йорк, 1970. С. 20.

Так что же, Энгельс был против террора, а Маркс — за? Но последняя цитата взята из газеты Маркса «Нойе Райнише цайтунг», где его соредактором был Энгельс. И угроза была заявлена публично от имени редакции. Как все это понять?

Мы догадываемся: два противоположных мнения относятся к разным временам.

Газета Маркса — Энгельса выходила в 1849 г. в Кёльне. И Маркс написал это не по зрелом размышлении, а сгоряча и в ярости — то был последний номер уже закрытой властями газеты — весь набранный красной краской (!).

Письмо же Энгельса написано в 1870 г. из Франции в Лондон. Видимо, за 20 лет Маркс и Энгельс в корне изменили свой взгляд на террор...

Однако проходит еще год с небольшим, и Маркс выпускает брошюру «Гражданская война во Франции», открыто одобряя террор парижских коммунаров, за что одна из английских газет даже назвала его «Доктор красного террора»...

Ну и как тут быть? Все-таки стояли Маркс и Энгельс за террор или против?

В такой постановке вопрос не имеет ответа. Не все так просто, дорогие товарищи!

Ошибка Конквеста обусловили три предпосылки. Выявляются они легко:

- 1) что Маркс и Энгельс имели твердое, принципиальное мнение по столь важному вопросу;
- 2) что Маркс и Энгельс непременно имели тождественные мнения по одному и тому же вопросу;
- 3) что Маркс и Энгельс всегда излагали те мнения, которых они держались.

Три молчаливо подразумеваемых презумпции, выражающих некое установившееся общественное согласие.

Совершеннейшее заблуждение.

После наших изысканий (прологи, как известно, пишутся в последнюю очередь) из цитированного письма Энгельса мы готовы допустить, как *более-менее вероятный*, только такой вывод: *в сентябре 1870 г.* некто Энгельс, *возможно*, придерживался *того самого мнения*, которое высказал словами письма. Всё. О мнении Маркса в указанный момент времени (не говоря уже о других временах) вообще нельзя судить на основе цитированных слов его друга.

В поисках утраченного марксизма

В одной рецензии (70-х годов) на вышедший тогда монументальный труд Лешека Колаковского «Марксизм и его основные течения» было сказано: автор не облегчает себе задачу, он рассматривает подлинный марксизм, а не карикатуру на него. Книги Колаковского мы не видели. Видимо, поэтому мы с трудом можем представить себе, что понимал рецензент под «подлинным марксизмом», а что — под «карикатурой на него» и как он отличал одно от другого. Нам это представляется делом весьма непростым.

Существует, казалось бы, собственно теория Маркса... Или Маркса — Энгельса?.. Уже здесь возникает путаница...

Однако это затруднение можно деликатно обойти, если вместо «теория Маркса» употребить выражение «теория марксизма». В «измовом» варианте названия теории «энгельсизм» определенно отсутствует. Итак, теория марксизма. Которая изложена в сочинениях Маркса... и Энгельса. Никуда от этого не деться. Как увидим вскоре, это раздвоение марксизма преподносит подчас интересные сюрпризы... Но пока мы только начинаем свой поиск.

Тут сходу выявляется другая незадача. Сочинений Маркса и Энгельса недостаточно — они требуют толкования. И допускают разнотолкования. И действительно, накопился ряд почти исключаящих друг друга толкований. Например, чтобы не ходить далеко, В. Ленина и Э. Бернштейна (а также Мао — и поехали...). То есть уже на этом уровне — толкований — имеется несколько марксизмов¹. Отметим, что каждое такое толкование исходит от вожды или идейного лидера имярек и чаще всего получает название по его имени с расширением «изм» или «ианство» (в последнем случае название несет негативную окраску). Назовем весь этот ряд толкований-интерпретаций **марксизмом первого порядка**.

На основе указанного ряда интерпретаций учения Маркса возникает второй этаж марксизмов, который в целом характеризуется как разноречивая, эклектичная и путаная идеология, сложившаяся из:

¹ О том, сколько разных «марксизмов» возникло в Европе после Второй мировой и какая между ними шла идейная борьба, подробно рассказал американский профессор Пол Готфрид в книге «The Strange Death of Marxism», изданной Университетом Миссури в 1990 г. (русс. изд.: Странная смерть марксизма. М. : ИРИСЭН ; Мысль, 2009).

- 1) теоретических высказываний Маркса (и Энгельса);
- 2) попыток истолковать их для невежд;
- 3) попыток истолковать на их основе реальные явления и исторические факты;
- 4) позднейших поправок к исходным положениям основоположников;
- 5) самооценок марксизма;
- 6) приписанных ему теоретических побед, никогда им не одержанных;
- 7) приписанных ему теоретических потенциалов, в нем не содержащихся;
- 8) приписанного ему нравственного содержания, на которое не претендовал и сам его создатель;
- 9) прочих измышлений и предрассудков разного рода.

Описанную идеологию (или идеологии, не имеет значения) в целокупности всех ее модификаций назовем **марксизмом второго порядка**. Это — достояние образованных (и не очень) последователей вождей-теоретиков-интерпретаторов.

Наконец, **марксизм третьего порядка** — это общественное движение (движения, если угодно). Неоднородное, преследующее конкретные политические цели, маневренное и чаще всего хорошо организованное. Оно использует в своей пропаганде марксизм второго порядка, обогащая его оттенками, нужными в конкретных политических условиях, и — при всех различиях и разногласиях — ухитряется во всех своих проявлениях и течениях оставаться верным чему-то такому в учении Маркса, что объединяет их как определенный социально-культурный феномен.

Время от времени одно или другое течение может позволить себе идеи вчерашнего единомышленника своего назвать карикатурой на марксизм, притом объект, как правило, не остается в долгу и платит хулителю той же монетой.

Как же отличить настоящий марксизм от карикатур на него?

Опять имеем некорректно поставленный вопрос. Как показали наши исследования, попытки отыскать некий *подлинный* марксизм среди множества теоретических и политических разновидностей не могут быть плодотворными. Успешным оказался подход, основанный на **многоликости** как сущностной, имманентной характеристике марксизма.

В названном явлении слишком много было переосмыслено, перетолковано, додумано, переформулировано, добавлено, убавлено, изменено, подменено — создателями, сторонниками

и последователями, чтобы можно было выделить некую тождественную себе систему. Часто то, что можно было вычитать из первоисточников, подменялось тем, что хотелось бы там видеть, или тем, что должно было бы там находиться, но почему-то не находилось. И к этой работе сами Маркс и Энгельс не остались непричастными. Наоборот, основоположники марксизма явились также и основоположниками его замечательных особенностей — *протеизма* и *мимикрии*. Сегодняшние марксисты, как известно, ухитряются стать демократами, плюралистами, защитниками «буржуазных свобод», христианами и даже защитниками ислама...

«Маркс всегда сам советовал, — простодушно сообщает Меринг, — примыкать к крайне левому крылу уже существующего движения для того, чтобы толкать его вперед»¹.

Все эти марксизмы трех порядков, каждая из категорий, со своей стороны, есть некое множество экземпляров. И всех их, сколь бы они ни различались между собой, мы предлагаем считать равноценными, то есть принимать каждый как представляющий что-то от *подлинного* марксизма. Иными словами, мы допускаем существование какого-то *подлинного* марксизма.

Уже сам факт, что мы не отказываемся от общего названия для всех категорий и экземпляров, сохраняя родовое имя «марксизм», говорит о том, что мы признаем: за этим словом стоит какая-то реальность. Мы лишь предостерегаем от поисков этого феномена в готовом виде среди множества конкурирующих экземпляров.

Идея наша состоит в том, что должен существовать, так сказать, **марксизм порядка X**, тот самый — *подлинный, аутентичный*.

Где его искать? Все идеологические течения и общественные движения, все эти марксизмы трех порядков, естественно, отпадают. Теоретические тексты основоположников — все скопом — отпадают тоже, по причинам, о которых уже было сказано. Остается одна область — *деятельность основоположников, их практика*.

Если допустить, как мы делаем, существование некоего «подлинного», или аутентичного, марксизма, следует допустить также, что основоположники действовали именно в согласии с ним и им руководились Конечно, этот аутентичный марксизм имеет

¹ ФМ, 334.

форму идеи или некоей совокупности идей. Однако, и это принципиально, эта руководящая идея нигде не высказана прямо.

Претензия каждого толкования (течения, движения...) на исключительное представительство именно учения Маркса означает безмолвное, но всеобщее согласие по трем пунктам: а) существует некий «подлинный марксизм»; б) он заложен в деятельности основоположников; в) он пребывает там в *неявном* виде.

Мы принимаем эти три постулата. Подлинный марксизм **зашифрован** в фактах и свидетельствах о деятельности Маркса и Энгельса. К категории деятельности относятся также и тексты, ими написанные. Подлинный марксизм **эзотеричен**.

Марксистский код

Основной материал для наших исследований — тексты Маркса и Энгельса, а именно: Собрание сочинений и писем в 50 томах на русском языке, подготовленное Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее: Издатель). Наш предмет имеет развитую литературную компоненту, которая является ценнейшим источником информации в интересующем нас отношении. Но работать с этими источниками нужно уметь. Иначе ошибки неизбежны.

Не одна неожиданность ожидает любознательного и непредвзятого читателя, вздумайся ему всерьез ознакомиться с марксизмом по текстам его основоположников. Но первое открытие, которое ему предстоит для себя сделать, состоит в том, что далеко не все написанное Марксом и Энгельсом следует понимать буквально. И ввиду того что априори не известно, какие высказывания можно понимать буквально, а какие нельзя, наша рекомендация (вынесенная из собственного опыта) неизбежно касается всего, что написано в их текстах. И того, что способно вызвать ваш протест, и того, с чем вы готовы согласиться. И того, что написано для публики, и того, что содержится в частной переписке.

К написанному Марксом и Энгельсом нельзя подходить с обычной меркой. Объективная информация, содержащаяся в их высказываниях, не может быть получена привычным способом — восприятием *того, что* написано, *так, как* написано. Достоверная информация о мнениях, побуждениях и поступках Маркса и Энгельса **закодирована** в их текстах особым и специфическим —

марксистским — кодом. Наличие этого кода не секрет, ему даже существует марксистское название — **материалистическая диалектика**. В целях экономии терминов мы принимаем это марксистское название марксистского кода.

Что такое материалистическая диалектика?

Прежде всего, не следует смешивать ее с «диалектическим материализмом». Последний есть мировоззрение (или нечто, таковым называться претендующее). Материалистическая диалектика есть *метод*. Метод рассуждения, изложения, общения, поведения... Важно также уметь выделять *диалектическую логику*. Это более узкое понятие, оно относится только к методу рассуждения и изложения.

Затем, не следует путать ее с диалектикой понятий, как она известна по Платону и Гегелю. Известные и уважаемые мыслители, например Н. Бердяев, справедливо указывали, что, кроме последней, никакой иной диалектики быть не может. И хотя мы с ними целиком солидарны и считаем, что никакой «материалистической диалектики» не может существовать в природе, тем не менее *таковая существует* — не только в ряду понятий, но и в ряду явлений. Феноменологией материалистической диалектики является феномен марксизма.

В процессе нашего исследования мы много раз убеждались (и не раз столкнемся с этим на страницах нашей книги), что об одной и той же вещи, в связи с Марксом, можно высказать два противоположных суждения, типа: (1) Маркс это говорил и (2) Маркс этого не говорил или (1) Маркс это сделал и (2) Маркс этого не делал.

Больше того, подобные пары высказываний позволял себе и сам Маркс — притом подчас оба подобного рода высказывания можно обнаружить в одном и том же контексте. В частности, онтологические высказывания (быть — не быть), например о своей партии (см. гл. 12 настоящей книги) или о законе стоимости. Важно отметить, что оба высказывания из подобной пары — взаимоисключающие в обычной логике — оказываются равно справедливыми и взаимодополняющими в *диалектической логике* Маркса.

* * *

Франц Меринг, упомянутый выше, рассказывая о докторской диссертации Карла Маркса, писал:

«Маркс глубже продумал основной принцип Эпикура и сделал из него более ясные выводы, чем сам Эпикур. Гегель называл

эпикурейскую философию принципиальным недомыслием. Родоначальник этой философии, как всякий самоучка, придавал большое значение обычной житейской речи и не прибегал, конечно, к спекулятивным ухищрениям гегелевской философии, при помощи которых разъяснял эпикуреизм Маркс»¹.

Не нам и не здесь обсуждать Марксову диссертацию. Лучше обратить внимание на те особенности языка Маркса, которые биограф называет «спекулятивными ухищрениями гегелевской философии». Посредством этих приемов, по свидетельству Меринга, удалось диссертанту вывести из эпикуреизма то, чего ни *сам* Эпикур туда не вложил, ни *сам* Гегель там не увидел. Метод, который позволяет перегегелить любого Гегеля, — первое научное достижение Карла Маркса. В нем секрет небывалого успеха марксизма и необыкновенной живучести этой идеологии, теоретические положения которой непрерывно — от начала и по сей день — опровергаются тем, что в марксизме называют «критерием истины».

Ссылаясь на замечание биографа, мы можем отметить также следующее. Перетолковав Эпикура в таком смысле, как ему хотелось, Маркс установил прецедент для способа существования своего грядущего учения.

Противоречия

Значительное количество высказываний взаимопротивоположных, самопротиворечивых и попросту не соответствующих действительности находим мы на страницах научного, публицистического и эпистолярного наследия двух великих мыслителей и вождей. Что до теоретической части их наследия, то там число противоречий и тавтологий может соперничать только с числом высказываний бездоказательных и безответственных².

¹ ФМ. Ссылка на страницу утеряна.

² Традиционно принято говорить о трех составных частях марксизма: (1) диалектический и исторический материализм, (2) политическая экономия и (3) научный коммунизм. Формально говоря, в каждой из указанных составных частей налицо по меньшей мере по одному принципиальному противоречию. В (1) — между четким указанием Маркса о «базисе и надстройке» и позднейшими поправками Энгельса об обратном влиянии «надстройки» на «базис». Во (2) — между важнейшими положениями I и III томов «Капитала» о законе стоимости. В (3) — между недвусмысленными указаниями Маркса о насильствен-

Однако любые попытки всяческих «злопыхателей» сокрушить марксизм терпели и терпят провал. Любая критика марксизма, основанная на его внутренних противоречиях — между одинаково важными утверждениями, между началом теории и ее завершением, между теорией и практикой, — оказывается неэффективной. В лучшем случае она убеждает лишь тех, кто и без того относится к марксизму критически.

Самые справедливые указания на противоречия и неувязки — сколько их ни насчитать — не только не могут нанести марксизму какого-либо урона, но даже в конечном итоге идут ему на пользу, укрепляя его реноме в глазах приверженцев. Желая пугать диалектиков противоречиями подобен тому, кто берется (если нам позволят несколько фривольное сравнение) дерьмом отваживать мух.

Со всей ответственностью за сказанное автор этих строк солидаризируется с В. И. Лениным, по определению которого **диалектика — это душа марксизма.**

Первая причина поражения, которое терпит критика противоречий марксизма, заключается в том, что такая критика говорит с марксистами на их языке («капитализм», «феодализм», «производственные, отношения», «общественно-экономическая формация» и др.), в то же время уступая им в искусстве владения этим языком.

Престиж

Пишущий эти строки перелистывает «Капитал» и находит свои стародавние — первого прочтения — пометки на полях. Понятие «общественно необходимое рабочее время» автор определяет как время, которое требуется для изготовления продукта «при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда». По этому поводу мы тогда заметили на полях, что «среднее» нельзя понимать арифметически, что он имел в виду некую величину, взвешенную по всему множеству производителей данного вида продукта... и еще много в том же духе.

ной революции как единственном пути завоевания власти рабочим классом и предсмертными указаниями Энгельса о тщетности вооруженных восстаний и необходимости легальной борьбы за власть.

Это писал «марксист» самому себе. Может, и дельное замечание, а может, и нет. Кто знает наверняка, что «он имел в виду»? Если на тысяче страниц книги не нашлось места для не вызывающей сомнений и вопросов дефиниции фундаментального понятия всей теории, не разумнее ли предположить, что *он* и не имел в виду чего-то большего, чем написано? То есть что он считал свою дефиницию достаточной и самоочевидной?

Задержимся на этом примере. Указанное определение Маркса не находили удовлетворительным ученые-экономисты и посерьезнее вашего покорного слуги, например В. В. Новожилов. И что они в этом случае делали? То же самое. Они начинали искать приемлемое для себя толкование написанного Марксом. Возникает дилемма: либо за написанным плоским определением должна скрываться некая глубина, внешне не ощущаемая, либо идея Маркса и вправду малосодержательна.

Не к тому мы задели эти скучные материи, чтобы разбираться сейчас с экономическими понятиями у Маркса. Совсем на другое хотим мы обратить внимание нашего читателя. На то именно явление, что читающий Маркса подчас сам пытается восполнить недостающую глубину его построений. Мы, его читатели, сами, притом добровольно и в охотку, делаем работу, которой вправе были бы ожидать от него.

Почему *вправе*? Да потому, что мы считаем Маркса серьезным и глубоким мыслителем. Мы стимулированы домысливать и переосмысливать научные высказывания Маркса по той причине, что изначально приписываем им глубину и мудрость, присущую великим мыслителям и не желающую сразу открыться простакам, вроде нас с вами. Откуда у нас такое убеждение?

Вряд ли мы сообщим читателю новость, указав, что можно быть марксистом и верить в глубину теории Маркса, не прочитав «Капитала». Такая вера основана фактически на доверии к тому, что мы слышали от вроде бы признанных авторитетов. Впервые беря в руки «Капитал» (как было с нами в рассказанном случае), читатель уже *знает*, что книгу написал выдающийся мыслитель и ученый. Соответствующее мнение внушено нам априори. Это — *предрассудочное знание*.

Обычное дело — вековой престиж писателя, ученого, мыслителя. Чтобы знать доподлинно, что Макс Планк был выдающимся физиком, совсем не обязательно знать физику. В этом мнении сходятся целые поколения тех, кто понимает лучше нас. И мы им верим.

Таким же образом и мнение о теории Маркса перешло к нам от прошлых поколений. Проще говоря, мы выдаем доверенность нашим дедам судить о Марксе вместо нас. А откуда деды это взяли?

Вот один случай. Меринг цитирует воспоминания Карла Шурца¹, где дается такой портрет Карла Маркса образца 1848 г.:

«Ему не было в то время 30 лет, но он уже считался признанным главой социалистической школы... Про него говорили, что в своей специальности — это замечательный ученый...»².

В какой специальности? В эпикурейской философии? Или ему уже успела доставить лавры политэконома «Нищета философии», где он кроет Прудона от имени Рикардо и Жорж Санд (издана за год до того на французском во Франции, первое немецкое издание — 40 лет спустя)? Как мог Маркс считаться *признанным* главой *социалистической* школы в период, когда восстановил против себя всех ведущих социалистов, агрессивно воюя *против* социализма во всех его формах (о чем недвусмысленно говорит 3-я глава «Манифеста Коммунистической партии»)? Какая еще «социалистическая школа», когда Маркс противопоставлял *социализму* свой *коммунизм*?

Похоже, в сознании мемуариста память о стародавних событиях трансформировалась под воздействием образа, в каковой к тому времени превратилась фигура Маркса... Но тем не менее что-то было. Мы охотно верим, мы даже убеждены, что — да, говорили, что в своей области, что считался признанным. Разве некому было про него говорить? А Энгельс? Да весь его штаб мог про него «говорить» и наверняка говорил... Дальше расскажем, что в тот период у Маркса было даже целых два штаба — в «Новой рейнской газете» и в Союзе коммунистов. Так что наверняка «говорили». Вопрос: что говорили?

У нас нет свидетельств о том, что и как они тогда говорили и что мог слышать Шурц. Не в пример ему лично мы ничего слышать не могли, магнитозаписи тогда не существовало, а протоколов таких разговоров, скорее всего, не вели. И тем не менее мы уверены, что это было. По аналогии с другими, более поздними

¹ 1829—1906. В юности — участник революции в Германии 1848—1849 гг., в зрелости — общественный и государственный деятель США (журналист, генерал армии северян, сенатор от штата Миссури, посланник в Испании, министр внутренних дел). Основал несколько газет. Его книга воспоминаний вышла в Берлине в 1906 г., в России (сокращенный перевод) — в 1912 г.

² ФМ, 198.

(и, главное, сохранившимися) свидетельствами разговоров о том, что Маркс был также и великим математиком... Но мы забежали далеко вперед.

* * *

Если практика не согласуется с теорией, последним оплотом теории в общественном мнении может быть только суждение, что реализация теории была ошибочной. Тут многое можно сказать, и многое было сказано. Важно другое. Всякие споры такого рода имеют основу только в предположении, что вопрос об авторитете теории (и теоретика) решается на рациональном уровне. Предпосылка эта также принимается молча, поскольку во всех науках — вообще в науке как способе познания — дело обстоит именно так.

Уместно будет сообщить, что мы не горим желанием приносить Карла Маркса. Напротив, мы хотим показать его по возможности объективно. И если кто-то, возможно, увидит в чем-то «принижение», то это оттого лишь, что встающий на наших страницах образ, возможно, отличается от канонизированной иконы, которой люди привычно поклоняются.

В отличие от того, о **чем** мы пишем, мы просим понимать буквально то, **что** мы пишем. Вне всякого сомнения, Маркс был выдающейся **фигурой** и неординарным **явлением** в культуре XIX века. В данном же случае мы обсуждаем вопрос о его репутации как **мыслителя**.

Ведь уже во второй половине XX века известный американский экономист писал: мол, многие не представляют себе, «что этот страстный агитатор был в душе ученым, кто, по замечанию Шумпетера, боролся с каждым фактом и каждой идеей и часто достигал подлинно полезных обобщений о том, как живут люди. Маркс был заинтересован, говорит Шумпетер, “в проблеме как таковой и прежде всего был озабочен совершенствованием инструментов анализа, предлагаемых наукой его времени, выправлением логических трудностей и построением теории, которая по своей природе и своим целям была бы истинно научной, независимо от ее недостатков”»¹.

¹ *Ben B. Seligman. Main Currents in Modern Economics. NY, 1963. P. 48—49.* Книга была издана по-русски в СССР (*Бен Б. Селигмен. Основные течения современной экономической мысли. М. : Прогресс*). В русском издании, однако, глава о теории Маркса была опущена (она

Так что в одной цитате мы имеем мнения сразу двух крупных ученых XX века, один из них — экономист мирового уровня. Нелишне будет сказать при этом, что оба высказали в адрес марксизма немало критики...

Традиционно принято (было принято?) приписывать Марксу ряд выдающихся открытий и прозрений в политэкономии, социологии, философии. Кое о чем нам предстоит говорить подробно дальше. Сейчас же позволим указать на одно открытие Маркса, которое почему-то не принято ему вменять. Относится оно к области социальной психологии, играет в марксизме не оцененную еще роль, а заключается в способности создания устойчивых предрассудков о себе в глазах других людей.

Термин «предрассудок» мы (не вкладывая в него одиозный смысл) понимаем как мнение, основанное не на доводах разума и (или) личном опыте, а на априорной убежденности иррационального происхождения. Ничего особенного. Те три презумпции о Марксе и Энгельсе, с которых мы начали, также составляют распространенный предрассудок. А русские издатели в Америке 80-х — эмигранты из СССР! диссиденты! свободомыслящие! — отказывавшиеся публиковать мою рукопись, они что, прониклись почтением к Марксу в советских вузах, когда готовили шпаргалки к экзамену по политэкономии? Нет, раньше, ибо уже тогда они «знали»... Еще со времен, когда сидели на горшке в детском саду.

Предрассудочное знание является главной основой репутации Маркса-мыслителя.

Вторая причина неудач множественной критики марксизма заключается в попытке бороться с предрассудками инструментом рассудка.

Мы предостерегаем ученых от неверного пути. Во избежание возможных недоразумений относительно назначения и содержания настоящей монографии заявляем со всей серьезностью: **мы не ставим себе целью опровержение марксистского учения.**

Наша задача много скромнее. Мы просто подвергаем марксизм изучению без гнева и пристрастия. Прежде всяких выводов и характеристик, прежде борьбы за или против марксизм следует описать адекватно. Мы пришли к выводу, что мало кто из опровергателей марксизма отдает себе отчет в том, с чем они имеют дело.

содержала ряд критических замечаний). Цитирую в своем переводе по оригиналу.

Высшая категория сложности

Широко распространен предрассудок относительно причин того, почему Маркса — особенно «Капитал» — трудно читать. Считается, что причина в чрезвычайной сложности трактуемых материй. Понятное дело, глубокие мысли не лежат на поверхности.

В то же время всем известно, что необыкновенно сложные материи Маркса каким-то образом могут быть изложены на уровне понимания среднего слесаря.

Сами основоположники любили щегольнуть этой особенностью своего учения. Незадолго до смерти, в 1891 г., Энгельс (к тому времени — патриарх рабочего движения) писал:

...Насколько необразованные рабочие, для которых легко можно сделать понятными самые сложные экономические выводы, превосходят наших заносчивых «образованных» людей, для которых такие запутанные вопросы остаются неразрешимыми на всю жизнь (22/205).

Точку зрения Энгельса подтверждает рабочий Шариков, Полиграф Полиграфович¹: «Чего мудрят? Отнять все да поделить!» Можно найти некоторую иронию в том, что это был отзыв о переписке... Энгельса с Каутским — двух именно «образованных»...

Согласимся в первом приближении, что наука есть коллективное моделирование согласованного человеческого опыта. В ней возможно различие подходов и теорий, возможно взаимонепонимание специалистов в одной и той же области и прочие хорошо известные вещи. Что мы считаем невозможным, так это принять постулат о доступности или недоступности какой-то теории в зависимости от классовой принадлежности людей. Тем более когда теория объявляется доступной для необразованных и недоступной для образованных. А ведь и репутация Энгельса-мыслителя тоже... туда же...

Тут Карл Каутский кстати подвернулся. И. Скворцов-Степанов приводит такие его слова о «Капитале»:

«...Самим содержанием первого тома в значительной степени определилось то обстоятельство, что он популярнее и оказал более глубокое действие, чем второй и третий томы. Первый том трактует процесс капиталистического производства в узком смысле — отношения, являющиеся настоящей областью

¹ Михаил Булгаков. Собачье сердце.

борьбы между трудом и капиталом, непосредственно знакомые рабочему»¹.

Так можно далеко зайти. Все люди постоянно имеют дело со светом и тяготением — так что, пожалуй, трехлетнему ребенку может быть доступна теория относительности (даже обе...). Та же логика...

По-видимому, Энгельс был искренен, когда обращался к рабочим. Столь же искренне, хотя совершенно иначе, он подходил к тому же самому вопросу, когда обращался к «образованным людям». Например, в письме к Блоху от 1890 г.:

К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и смогут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не вполне правильно. И в этом я могу упрекнуть многих из новых «марксистов» (37/394—396).

Два мнения Энгельса об одном и том же предмете противостоят друг другу. Перед нами не простое противоречие, а *диалектическое*. Как увидим дальше, такие противоречия «снимаются» уяснением некоторых вещей относительно феномена марксизма.

По поводу странного сочетания сложнотруднопонятности и общедоступности теоретических положений марксизма мы выдвигаем свою гипотезу: *степень сложности изложения Маркса необязательно соответствует степени сложности его теории как таковой*.

Как нам удалось установить, трудности сопутствуют восприятию текстов Маркса не сплошь, а местами. Когда он излагает свои конечные выводы, получаются такие эффектные тексты, как «Манифест Коммунистической партии» или последние разделы I тома «Капитала». Предельно доступно для «необразованных». Но вот путь к его выводам постигать в его изложении действительно бывает трудно. «Необразованные» довольствуются выводами, не вникая в их обоснование, — они доверяют престижу великого мыслителя Маркса. А вот «образованные» (некоторые, во всяком случае) не принимали выводов, не уяснив себе рассуждений, посредством которых получены эти результаты.

Далее, в отношении проблемы трудночитаемости, а точнее, труднопонимаемости рассуждений нами тоже было выяснено кое-что. Трудности возникают в связи с тем, что Маркс часто *пишет одно, подразумевая другое*.

¹ В предисловии к изд.: *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. М., 1912.

Сказанное есть атрибут художественной прозы, ибо искусство не доказывает, а внушает. Чем более суггестивна проза, тем сильнее ее воздействие на читателя. Научный же нарратив требует не образного мышления, а логического. Мы берем в руки научный трактат Карла Маркса и, настроенные на восприятие *научного* сообщения, включаем свой аппарат рационально-логического мышления. Мы читаем, читаем, читаем этот текст — и никак не можем ухватить логику рассуждений автора.

Зная уже, что текст принадлежит перу выдающегося мыслителя и ученого, мы начинаем чувствовать некоторую ущербность. Нам кажется, что мы недостаточно подготовлены, а может, даже неспособны понять ход мысли читаемого автора (престиж последнего поднимается еще выше)...

Читателю невдомек, что он пытается схватить пустоту, что нормальная логика научного рассуждения там только имитируется, а на самом деле развитие мысли (которое, несомненно, имеет место) определяется иными, неэксципированными факторами и закономерностями.

Подход к проблеме

Часть 1 нашего исследования посвящена рассмотрению *научного коммунизма*, то есть теории и практики Маркса — Энгельса. Теория рассматривается в Прологе, практика освещается в основном корпусе книги. Столь неравномерное деление листажа на части «теоретическую» и «практическую» обусловлено не нашим произволом или априорным намерением, оно сложилось как следствие характера нашего материала. На каждую часть выпало столько объема, сколько потребовалось, чтобы осветить основные моменты плодов наших изысканий. И если «теоретическая» часть оказалась вдесятеро меньше «практической», причину тому следует видеть исключительно *в теории и практике научного коммунизма*.

Принципиально новым моментом нашего анализа считаем мы акцент на рассмотрении Марксова *метода изложения*, включая, конечно, сообщения о фактах практики. Ибо и практика Маркса дана нам не в опыте, а в марксистском изложении — самого героя, его спутника, его друзей, знакомых и адептов. Таким образом, основным содержанием нашей работы является **анализ высказываний**.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru